

Конечно, охота не была хорошим местом для девушки изящной и нежной, как Четвертая принцесса. При нынешней династии занятие войной и боевыми искусствами женщинами не осуждалось открыто — лишь в тишине внутренних комнат да в случайных рыночных сплетнях, — но Фу Лихуа и сама никогда не тянулась к оружию. Блеску заточенного клинка в ее глазах не сравниться было с сиянием нефритового украшения, а тихая песнь эрху или циня будила в душе чувств больше, чем тревожный гомон боевых барабанов. Четвертая принцесса поехала с отцом-Императором по настоянию матушки и родственников с ее стороны: люди семьи Минь считали, что, позволив Первой принцессе гулять на празднике, Император обидел тем самым младшую свою дочь. Ведь если одной девушке досталось императорское снисхождение, разве вторая не должна получить его в той же мере?

Фу Лихуа не настаивала — но ее родственники давно тайно недолюбливали Первую принцессу, что не имела важных связей, но обладала во дворце огромным влиянием. За спиной ее называли даже зло дочерью-Императрицей: за решение дворцовых дел и отсутствие в своем возрасте жениха. Четвертая принцесса легко поддавалась влиянию людей вокруг, и вот сама она уже, видясь со старшей сестрой от силы раз в несколько месяцев, тягостилась ею. Фу Айминь осталась в императорской столице, а Фу Лихуа приехала сюда: но, сидя в покоях куда более скромных, чем те, к которым она привыкла, и слушая завывания северного ветра за окном, девушка ощущала все же, что где-то ее обманули.

Находиться здесь было скучно. Комнат Фу Лихуа не покидала, боясь, что холод расцарапает ее лицо шершавыми пальцами, но и тут едва ли было много занятий. С утра Четвертая принцесса поиграла со служанками, некоторое время провела за книгой, после рисовала и вышивала... Когда Фу Лихуа доложили, что прибыл с визитом Пятый принц, она оживилась и обрадовалась.

Хотя, конечно, волнению нельзя было проявиться на красивом лице девушки. У нее была белая, словно мрамор, кожа, алые губы и тонкие брови, в любой момент будто удивленно приподнятые. Сходство с Императором в Фу Лихуа можно было уловить только в форме подбородка и ушей, но знающие люди говорили, что она очень похожа на вдовствующую Императрицу. С Фу Ичжэнем она не была похожа вовсе, да и братом его не ощущала: потому не испытала и доли вины, когда, при взгляде на его вежливую улыбку, сердце дрогнуло.

— Дорогая сестра, этот принц пришел справиться о вашем самочувствии, — сказал Пятый принц, поклонившись. Фу Лихуа вздохнула. В руках ее был круглый тростниковый веер и им девушка лениво обмахивалась, старательно делая вид, словно ее отвлекли от чего-то важного.

— Благодарю за заботу, — сухо сказал Фу Лихуа. На чуане с высокой спинкой она сидела полубоком и глядела на Фу Ичжэня словно нехотя. — Эта принцесса слышала, что отец-Император поручил пятому брату мою охрану... Пятый брат уверен, что справится?

Даже служанки, что во всем поддерживали свою госпожу, в этот момент невольно переглянулись: слова ее были довольно грубы. Император, придворные и родственники Фу Лихуа — все недолюбливали Пятого принца и старались держаться от него подальше, потому и девушка переняла эти настроения. Фу Ичжэнь на самом деле не сделал ей ничего плохого, она считала его красивым и в тайне жалела, что они дети одного отца; иногда мечтательно размышляла о том, какова его жизнь там, в далеком и очаровательном цзянху; смеялась над редкими шутками пятого брата во время пиров императорской семьи... Пусть, конечно же, ни благородный, ни коварный образ Пятого принца из ее мыслей не имел ничего общего с принцем настоящим, Фу Лихуа уже сделала относительно него некоторые выводы, и не планировала быть вежливой. Сам принц наивный и недалекий, а заступиться за него некому — так отчего бы не выместить на нем хотя бы часть собственного раздражения?

Фу Ичжэнь совсем не обиделся. Он чуть смущенно рассмеялся.

— Этот принц приложит все силы, — сказал он. — Знаю, что сестра беспокоится из-за случившегося на празднике... — Пятый принц отвел глаза, словно вспоминать об этом ему было неловко. — Но я многое вынес из того... недоразумения, и больше подобных ошибок не повторю. Кроме того, — пожал плечами юноша и окинул взглядом покои. — Тут совсем рядом стража отца-Императора, едва ли при них случится что-то плохое.

Четвертая принцесса едва не задыхнулась возмущением — как у этого человека хватает наглости говорить такое! Она слышала, что той ночью вместо Первой принцессы погибла невинная служанка: пусть, конечно же, Фу Лихуа не испытывала из-за ее кончины какой-либо скорби, то, что виновник произошедшего называет это «недоразумением»!.. И к чему было говорить о воинах Императора? Не желает ли Пятый принц сбросить на них все свои заботы?!..

Впрочем, Фу Лихуа бы это лишь успокоило.

Лицо ее стало холоднее. В самом деле кому-то боги дают красивое лицо — но брезгают вложить в него ум или добродетели. Четвертая принцесса спросила:

— Если вы уже думаете о чужой защите, зачем пришли сегодня сюда?

— Дорогая сестра не так поняла, — рассмеялся Фу Ичжэнь. — Я вовсе не хочу отказаться от приказа отца-Императора, просто желаю подбодрить вас. Свою работу же нужно выполнять: с позволения сестры я проверю ваш двор и людей, приставленных к вам.

— Проверите? Двор опоясывают крепкие стены, а из министерства войны мне прислали сорок двух умелых воинов — что вы хотите проверить? — изогнув бровь, спросила Фу Лихуа.

— Ну, посмотрю, все ли в порядке, и вообще... — Пятый принц замялся и в своей душе девушка испытала к нему лишь большее пренебрежение. Он даже не знал, что должен делать, пришел сюда, вероятнее всего, лишь из-за приказа отца. «Проверить»? Едва ли он в самом деле мог что-то сказать о воинах, выделенных для защиты принцессы министерством войны, или ее дворе!

Однако допытываться и спорить Фу Лихуа не хотелось. Чем скорее этот человек закончил бы делать вид, что выполняет поручение Императора, тем скорее бы ушел. Четвертая принцесса махнула рукой:

— Конечно: делайте, что должно.

— Благодарю сестру за помощь, — с явным выдохом облегчения отозвался принц. С ним пришли несколько воинов личной гвардии и один советник, опирающийся на простую трость. Фу Ичжэнь поманил за собой гвардейцев, сказав: — Мы управимся быстро, а пока, надеюсь, мой подчиненный сможет составить вам компанию.

И легким шагом ушел. Фу Лихуа с возмущением глядела ему вслед: кроме того, что не знает своих обязанностей, так и оставляет принцессу наедине с каким-то проходимцем! Пусть с ней, конечно же, были служанки, а советник брата выглядел таким хилым, что едва бы смог связать курицу, это все равно!.. Забывая об их положении — разве достойно вот так оставлять кого-то с родной сестрой? Верно говорили, что у Пятого принца нет понятия о чести и праведности, ему следовало вернуться к монахам и съесть все священные писания, если по-другому они не закрепились в его душе!..

В отличие от младшего брата, человек его был весьма сдержан. Он поклонился Фу Лихуа и теперь скромно смотрел в пол, давая девушке разглядеть себя. Четвертая принцесса окинула юношу взглядом, переглянулась со служанками и спросила:

— Как тебя зовут?

Советник ответил:

— Имя этого слуги Ли Инчунь, Ваше Высочество.

Голос его был красив: не очень громок, ни очень тих, с едва уловимой хрипотцой, но глубокий, как шум воды, и столь же завораживающий. Внешность господина Ли тоже была хороша. В темном чаошане с воротником из короткого барсучьего меха кожа его казалась белоснежной, а волосы были темными, как тушь. Ли Инчунь обладал внимательными глазами формы цветения персика с чувственно опущенными внешними уголками, густыми ресницами, бросавшими сейчас на щеки мягкие тени, и тонкими губами, сложенными в легкую улыбку. Красавцем его в своей душе Фу Лихуа точно бы не назвала, но внешность господина Ли была интересной, оттого глядеть на него было приятно. Невольно девушка прониклась к нему большей симпатией, чем к своему непутевому брату.

Она спросила снова:

— Почему не пошел посмотреть на мой двор вместе с Пятым принцем?

— Отвечая Вашему Высочеству: этот слуга ученый, а не военный, потому в таких делах ничего не понимаю. Лучше оставить это принцу. Я же на время его отсутствия, если позволите, могу развлечь вас беседой, — господин Ли поднял на Фу Лихуа взгляд и слабо, чуть смущенно улыбнулся. Голос его был мягок, а взгляд ласков — едва ли сердце девушки могло остаться безучастным. Таких людей она любила, красивых и вежливых, потому повелительным жестом подозвала Ли Инчуня к себе и указала на место по другую сторону низкого стола.

Господин Ли поклонился, с достоинством приблизился и опустился рядом с принцессой, отложив трость в сторону. Он чуть оправил рукава и принялся разливать чай для Фу Лихуа. Девушка заметила, что руки у него тоже были очень красивыми.

— Этот слуга заметил незаконченную картину в ваших покоях, — говорил между тем Ли Инчунь своим чарующим голосом. Сочетание его плавных движений и речи погружало словно в сладкое забытие. — О Вашем Высочестве говорят как о добродетельной молодой госпоже, но я не знал, что вы кроме прочего близки к искусству. Даже для благородной дамы это увлечение необычно и удивительно.

— Эта принцесса просто занимается разными вещами от безделия, у меня нет в самом деле неопишуемого таланта, — ответила Фу Лихуа, стараясь не показать, как ей приятны чужие слова. Не поднимая взгляда, господин Ли сказал:

— Чинами и званиями не следует чересчур гордиться: если ты будешь слишком выделяться своим положением, подвергнешь себя опасности. В искусстве не следует добиваться полного совершенства: если искусство будет до конца совершенно, неизбежно его растеряешь. Поведение не должно быть чрезмерно возвышенным: если оно будет слишком возвышенным, ты навлечешь на себя хулу и погибнешь, — закончив, Ли Инчунь поглядел на Четверую принцессу и улыбнулся. — Так говорят великие учителя. Пусть даже Ваше Высочество занимается искусством лишь от скуки, созданного вами больше не найти нигде в мире, и оттого его нельзя измерить в лянх серебра. Если же подобное занятие еще и приносит вам

душевное спокойствие, то вовсе можно считать тягу к нему даром богов. Это слуга искренне так считает.

— Эта принцесса размышляла о своих занятиях и пришла к такому же выводу, — ответила Фу Лихуа. Пусть она никогда не облакала свои ощущения в слова, но суть ведь одна и та же? — Благодаря стараниям отца-Императора жизнь в столице хороша и спокойна, но едва ли можно навсегда избавиться от какого-либо беспокойства. Искусство мне в этом помогает.

— У богатых и знатных людей смятения в душе больше, чем у бедных и презренных, — кивнув, сказал господин Ли и протянул Четвертой принцессе пиалу. Та была выполнена из тонкого фарфора, с рисунком цветущих веток персика: вещь изящная и хрупкая, очень подходящая Фу Лихуа. — Родственникам завидуют больше, чем чужим. Если не противопоставить этому умиротворенность сердца и равновесие духа, то дня не проживешь без душевных мук. Ваше Высочество, нашедшая для себя способ бороться с этим, в самом деле крайне изобретательна.

— Что вы, это просто мои праздные размышления, — улыбнулась девушка и приняла пиалу. Служанки за ее спиной глядели на Ли Инчуня неприязненно: пусть он не делал в самом деле ничего предосудительного, и слова его и жесты были на грани допустимого, а в глазах вовсе не было почтения, какое надобно проявлять по отношению к Ее Высочеству. Девушки, что всю жизнь были в услужении, это чувствовали небывало явственно.

Однако госпоже нравилось говорить с господином Ли — как служанки могли запретить ей? Принцесса впервые за последние дни оживилась, разговор пришелся ей по душе, как и ловкий, вежливый и романтично-загадочный собеседник.

Принцесса даже вздохнула в один момент с нескрываемым сожалением:

— Господин Ли, как так вышло, что ты служишь моему Пятому брату? Эта принцесса слышит ум и находчивость в твоих словах, какие прились бы по душе Императору и провели бы тебя по министерской службе. Подле брата... Применить свои способности тебе, боюсь, будет трудно.

Ли Инчунь опустил взгляд и на щеки его легла тень, какую при должном желании можно было принять за смущенный румянец. Юноша сказал:

— Благодарю Ваше Высочество за похвалу. Что же до служения вашему пятому брату: он помог мне, потому теперь, конечно, я должен помочь в ответ. Благородный муж не может ни в малейшей мере пренебрегать своим долгом и не может чересчур высказывать свою непреклонность. Этот слуга лишь скромно надеется, что его советы уберегут Пятого принца.

— Если бы у каждого министра и придворного был подобный подчиненный, то все Центральные равнины ждали бы годы благоденствия! — воскликнула Четвертая принцесса и посмотрела на своих служанок. Девушки бесстрашно встретили взгляд госпожи, а та, что была постарше, даже состроила принцессе рожицу, намекая, что господину Ли не стоит доверять. Фу Лихуа, однако, не вняла этому предупреждению, и лишь еще больше уверилась теперь, что ее собственные слуги не так хороши, как люди бесполезного пятого брата.

— Ваше Высочество слишком добра, я не заслужил вашей похвалы, — ответил Ли Инчунь. — Этот простой человек всего лишь по мере своих сил старается облегчить жизнь дорогих ему людей... не более. Возможности мои в самом деле скудны, — юноша поднял взгляд на служанок Четвертой принцессы и улыбнулся им. — А вот девушки в ваших покоях выглядят ловкими и сообразительными.

— Мэй-мэй и Ин-эр? — с деланным удивлением спросила Фу Лихуа и улыбнулась. Принцесса сегодня была одета просто, в светлое платье с вышивкой золотой нитью по подолу и рукавам, и теплую безрукавку, на груди которой был изображен свернувшийся клубком, словно в желании согреть свою хозяйку, дракон. Фу Лихуа приятно была похвала служанок, как если бы хвалили ее саму. — Они умны, но слишком уж высокомерны, — Четвертая принцесса вновь обернулась к девушкам. — Молча принимают похвалу, словно так и надо, бесстыдницы!

Одна из девушек, Мэй-мэй, заробела и опустила голову, покорно принимая брань хозяйки, но Ин-эр тихо фыркнула и ответила:

— Если мы примемся спорить, то выйдет, словно в услужении Вашего Высочества только неумехи и лентяйки: разве такое может быть? Четвертая принцесса по праву рождения заслуживает всего самого лучшего, потому и в услужении ей, конечно, приставлены люди самые умелые и верные.

Девушка говорила дерзко и складно, поглядывая на господина Ли, словно в самом деле в чем-то его подозревала. Юноша отвечал ей открытым взглядом, но едва ли это уменьшало подозрительность Ин-эр.

Фу Лихуа, ничуть не смущенная ее словами, рассмеялась. Ли Инчуню она сказала:

— Не принимайте слова Ин-эр близко к сердцу, она болтает словно льется река, только все желтое обращено черным! Ее слова всегда могут меня развеселить.

— Этот слуга видит, что со своими людьми Ваше Высочество находится в гармонии, — скромно посмеялся господин Ли, словно легко принявший отношения между принцессой и ее служанками, но не набравшийся еще храбрости им подражать.

— Это так, — с довольством отозвалась Четвертая принцесса. Она хотела сказать что-то кроме, но в это время вернулся Пятый принц.

От холода на улице он был румян и будто больше обычного активен: волосы юноши от ветра чуть растрепались, а одежды наоборот запахнуты плотно, оттого вид у Фу Ичжэня был словно у нахохлившейся птицы. Он вошел в покои принцессы без лишних церемоний, будто они были близки, и, сняв верхние одежды, сел рядом с господином Ли, мерзло потирая руки. Четвертая принцесса в иное время возмутилась бы этому, но за время разговора с Ли Инчунем и к его непутевому господину прониклась теплыми чувствами, потому не стала возражать и даже приказала Ин-эр принести для брата бронзовую грелку. Круглая чаша с толстой крышкой была обмотана плотной тканью с рисунком из голых вишневых ветвей, чтобы не жечь руки, но оставаться теплой: Фу Ичжэнь с удовольствием принял грелку, подержал ее немного в руках, а после положил рядом с собой, ближе к Ли Инчуню.

— Этот принц все проверил, сестре не о чем беспокоиться, — с улыбкой рассказал Пятый принц. Фу Лихуа глядела на него снисходительно, словно на неразумного младшего родственника: каким он в ее глазах, несмотря на разницу между молодыми людьми всего в один сезон, и являлся. — Стены двора высоки и хорошо укреплены, с севера к самой стене подходит пруд, вода в котором не замерзает, а с запада начинается горный подъем: сестре очень повезло с двором, ветра тут меньше, чем в иных местах поместья, и в саду так тихо!

Четвертая принцесса в своих мыслях поежилась — уж если в этом пустынном холодном месте все не так плохо, каково жить в иных дворах? — но продолжала внимательно слушать.

— Сад на восточной стороне давно не приводили в порядок и деревья там разрослись, даже

свешиваются на другую сторону, в галерею, но это не большая беда. Если сестра беспокоится, вам лучше просто гулять подальше и все будет в порядке, — едва ли Фу Лихуа в ближайшие дни вовсе планировала выходить из комнат. Гордость в ее душе, что желала утереть нос Первой принцессе, постепенно укладывалась, словно пыль на поле брани, и все более девушка понимала, что хотела бы вместо Фу Айминь оказаться в императорском дворце. Фу Ичжэнь между тем продолжал. — Воины, которых выделили вам из министерства войны, тоже хороши: крепкие, послушные, они не станут мешать вам, но защитят в случае опасности. Всех сорока четырех я немного расспросил и распределил по разным местам поместья. Если сестра не будет против, я сам отчитаюсь в министерство войны, чтобы они не присылали своих людей проверить вас и не тревожили ваш покой.

Четвертая принцесса безразлично кивнула:

— Как тебе будет угодно.

— За этими заботами я продрог до костей и проголодался, — улыбнулся Фу Ичжэнь и посмотрел на стол, где все еще стоял только небольшой фарфоровый чайник и блюдо с легкими закусками. — Сестра скоро будет обедать?

В душе Четвертая принцесса возмутилась: «Неужели и со старшей сестрой он ведет себя так бестактно?», но выговаривать Фу Ичжэню не стала, вместо того приказав подать обед. Молодые люди с теплого чуана переместились в центр комнаты, где стоял стол из красного дерева и несколько стульев на резных ножках. Господина Ли пригласили к столу тоже, после того, как Пятый принц назвал его не просто слугой, а своим советником: обычно отобедать с членами императорской фамилии ему было бы не дозволено, но расположение Фу Лихуа и покровительство Фу Ичжэня оказались кстати: едва ли половине министров Императора за всю жизнь выпадала честь, которая Ли Инчуню досталась сегодня по мановению одинаково небрежных пальцев брата и сестры.

Впрочем, он не ощутил по этому поводу смущения, принимая подобное отношение как должное. За столом он был подчеркнуто вежлив с Четвертой принцессой и учтив, но отстранен с Пятым принцем. Со стороны могло показаться, словно отношения между слугой и господином не так хороши, и, возможно даже, господина Ли не ценят по достоинству — но на самом деле причина его отрешенного поведения была в нежелании показать Фу Лихуа истинную степень близости между собой и Его Высочеством. Какой она в самом деле была?.. Достаточной, чтобы доверить другому человеку свою судьбу.

Маленький театр:

Фу Лихуа: Ах, господин Ли, брат вас притесняет?! Это ужасно, как вы можете терпеть!..

Ли Инчунь: Да, служить под его началом может быть по-настоящему изматывающе, может оттого я болен, может оттого плохо сплю ночами. Эти его вечные поручения, и трудный характер...

Фу Лихуа: Не желаете тогда перейти на службу ко мне?

Ли Инчунь: Нет.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/17230/1753003>